

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
Серия ВЫПУСК № 117 (1598)
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Л. Мавриной «Рост доходов без роста экономики – это иллюзия», опубликованная в журнале «Эксперт», № 47, 19-25 ноября 2018 года.

Вологда
ноябрь 2018

Рост доходов без роста экономики — это иллюзия

Директор Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС Татьяна Малева – о том, как, повышая белые зарплаты, бизнес одновременно сокращает серые, сколько может длиться экономия и почему рост зарплат нам не поможет.

В 2018 году у нас, кажется, полностью изменился социально-экономический ландшафт. В свете грядущих повышений пенсионного возраста и налога на добавленную стоимость любые заявления руководства страны о том, что жить стало лучше, вызывают сомнения. До сих пор неясно, так ли уж бурно растут зарплаты россиян на самом деле и так ли уж точны методики Росстата. Все эти и другие вопросы социально-экономического самочувствия населения «Эксперт» обсудил с **Татьяной Малевой**, директором Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, заведующей лабораторией исследований демографии и миграции РАНХиГС.

Прожить на одну зарплату

– В сентябрьском выпуске мониторинга социально-экономической ситуации в России РАНХиГС отмечается, что рост реальных зарплат составил семь процентов, тогда как реальные располагаемые доходы снизились на 0,9 процента. Мы также видим, что в этом году средний чек в магазинах уменьшается, то есть люди тратят все меньше. Как можно объяснить такой парадокс?

– Это ситуация последних двух лет, она наблюдается с 2017 года, когда начался рост заработной платы. Если бы этот рост был в реальном выражении и если бы он касался абсолютного большинства российских домохозяйств, тогда мы вправе были бы ожидать, что сдвинется с мертвой точки динамика розничного товарооборота, что потребительская активность возрастет. Ну или хотя бы долги начнут сокращаться – ипотечные, потребительские. Но мы этого не наблюдаем.

Я вижу только одно объяснение, которое сразу все ставит на свои места. Ведь на самом деле на потребительский рынок приходит не заработная плата, а доходы. А доходы определяются зарплатой не только официальной, но и через ненаблюдаемый фонд оплаты труда. Вывод: меняется пропорция между скрытой и открытой оплатой труда.

– В каком плане? Меньше платят «вечернюю»?

– Да, под влиянием указов президента, под влиянием контроля за повышением МРОТ до уровня прожиточного минимума и так далее открытая часть оплаты труда растет, но компенсируется этот рост падением теневой части. Вот почему при росте заработной платы доходы меняются совершенно по другой траектории, и народ не очень подтверждает получение высоких зарплат: на сообщения о том, что до конца года заработная плата вырастет на одиннадцать процентов, социальные сети откликнулись очень негативно и очень остро.

– Из чего вообще складываются доходы населения?

– В России заработная плата – это главный источник дохода населения в связи с высокой долей наемного труда и относительно низкой долей других видов экономической занятости, в том числе предпринимательской деятельности. Мы – страна наемного труда: 63–64 процента всей совокупной массы доходов связано с заработной платой. Две самые большие составляющие российских доходов – зарплаты и пенсии (последние называются социальными выплатами).

– По статистике Центрального банка, растет закредитованность населения. То есть можно предположить, что люди, у которых сократились доходы, стали брать кредиты...

– Да, так и есть. Если бы шла реальная накачка населения деньгами, то долги бы сокращались. А люди лезут в новые кредиты. Центробанк уже не впервые высказывает опасение, что мы оказались на грани перекредитованности со всеми вытекающими последствиями, что может быть кризис неплатежей. Причем это происходит на фоне повышения ключевой ставки, снижения привлекательности кредитов. Причина проста: у людей не хватает денег. И это еще раз говорит о том, что с точки зрения социального положения населения мы пока сколько-нибудь ощутимых сдвигов не видим. Единственный действительно хороший показатель – рекордно низкая безработица, но мы просто страна с очень низкой безработицей, так что это не является событием.

– Меняется ли в последние годы потребительское поведение населения?

– По сравнению с докризисной ситуацией мы

изменили структуру потребления. Люди перешли в режим экономии. Эта экономия на всем, включая продукты питания, она не может продолжаться вечно, но она может законсервироваться. Классический вариант: при неразвивающейся экономике стагнируют доходы и стагнирует структура потребления и потребительская модель. Причем у нас она стагнирует уже четыре года, начиная с 2015-го. Это целый цикл экономический.

– *Но вроде бы экономить бесконечно нельзя?*

– Нет, это может продолжаться сколь угодно долго. Для изменения нужен действительно мощный экономический рост, когда люди начинают потреблять больше – и не потому, что у них появились деньги, а потому, что у них есть стимул к этому потреблению и у них есть перспектива. Но поскольку экономический рост пока для людей ни в чем не материализуется, я думаю, такая структура потребления останется надолго.

Пенсии не помогут

– *Изменится ли ситуация с доходами в связи с обещанным повышением пенсий на тысячу рублей в год с 2019 года?*

– Пенсии у нас, объективно говоря, низкие, поэтому любая тысяча становится действительно заметной прибавкой. По нашей оценке, около 600 миллиардов потребуется, чтобы профинансировать это повышение. Мы единственная страна в мире, которая повышает пенсионный возраст с убытком для бюджета. Обычно бывает наоборот.

Будет от этого эффект? Для пенсионеров будет, но крайне несущественный, потому что все, что сейчас будут производить с пенсиями, – все эти меры направлены не на рост, а на предотвращение их падения. То есть эта тысяча помогает удержать пенсии от дальнейшего сокращения их реального размера, реального коэффициента замещения, реального соотношения пенсии и прожиточного минимума. Но эту тысячу будут платить действующему контингенту, пенсионерам, которые никакого отношения к повышению пенсионного возраста не имеют. А на самом деле проблема возникнет позже. Ведь потом, в 2034 году, все равно возникнет вопрос: а что дальше?

Поднимать возраст надо было, когда вводили накопительную систему в 2002 году. В тот момент как раз выход на экономический рост вполне компенсировал неприятные эмоции по поводу повышения пенсионного возраста, у людей зарплаты начали

расти. В этом смысле сейчас ситуация противоположная. Мы поднимаем пенсионный возраст на фоне падения доходов и скромных достижений в социальной сфере. В 2002 году было бы легче.

Далее, поощрять этой тысячей надо было бы те возрастные когорты, которые попали в год повышения пенсионного возраста, которые проработают на пять лет дольше, которые ВВП увеличат. Вот именно им надо было бы в дальнейшем обещать, что это будет компенсировано повышенными размерами пенсии. Но у меня подозрение, что на них не хватит. То есть вознаградят непричастных.

– *Есть какой-то выход?*

– Был выход. Абсолютно легкий и прозрачный. Если помните, была система стимулирующих коэффициентов за более поздний выход на пенсию. И если бы распространить их действие на текущие пенсионные возраста 55-60 лет, то получилось бы, что эти повышенные коэффициенты будут применены к тем людям, которые будут работать дольше, – и при оформлении пенсии они получили бы больше. Но все-таки победила солидарная страховая система. Хотя, на мой взгляд, принцип солидарности у нас и так работает, а со страховым принципом очень плохо, потому что размер пенсии очень слабо зависит от размера заработной платы, от стажа. На мой взгляд, пенсионную систему надо накачивать страховыми принципами, чтобы «как работал, так и будет оплачиваться». И тогда хотя бы высокооплачиваемые и среднеоплачиваемые люди будут чувствовать интерес к этой системе. Потому что сейчас гарантии на будущее не имеет ни одна социальная группа.

Так бедность не победим

– *Мы видим, что повышают НДС, повышаются цены на бензин, понятно, что будет расти инфляция. То есть ситуация будет усугубляться?*

– Если мы что-то можем прогнозировать, так это рост заработной платы. Но, как мы уже поняли, он не приводит пока к росту доходов. А перечисленные вами факторы действительно снижают покупательную способность зарплат. Поэтому мы будем сталкиваться с тем, что даже в ситуации их формального роста благосостояние может падать. И критерий того, что я вряд ли заблуждаюсь, – то, что одновременно мы наблюдаем относительно высокие доли бедности. В экономике, у которой очень низкий рост ВВП, практически нет роста доходов, рост заработной пла-

ты абсолютно ничего не решает.

– *Может ли хоть что-то изменить ситуацию в положительную сторону?*

– Только одно: экономический рост, и рост значительный, устойчивый. Доходы не могут расти существенно, если экономика стагнирует. Не надо никаких иллюзий. Причем в абсолютном большинстве случаев сначала появляется экономический рост, он дает рост прибылей, эти прибыли не выплачиваются, а инвестируются как залог будущей устойчивости этого роста, и поэтому год, два, три рост заработной платы сильно отстает от роста ВВП.

Сейчас можно только перераспределять доходы. Вот это и будет происходить. Указы президента как раз про это: как отдать на демографию, как поддержать семьи с детьми, как победить бедность. Это вопрос, как предотвратить социальные негативные последствия, когда экономика не растет. Государство может перераспределять доходы в пользу тех групп, у которых дела совсем плохи. Вот в указе написано сократить бедность в два раза, – а она действительно выросла, она вернулась к рубежу до кризиса 2008 года. Как будто бы мы десять лет потратили зря.

– *А сколько сейчас у нас бедных?*

– В прошлом году было 13,2 процента населения, сейчас 13,6 процента, – это высокие показатели. У нас минимально уже было 10-11 процентов.

– *Можно ли сократить этот показатель вдвое?*

– Вдвое – это значит, до шести процентов, но в самых благополучных странах показатели выше, даже в богатых странах вроде Норвегии, Японии и богатейших стран Центральной Европы. Для них характерна доля бедных в восемь-десять процентов.

Но самое главное, как ее считать, эту бедность. Мы же еще идем по показателям, которые демонстрируют абсолютную бедность, сравниваемую с прожиточным минимумом. А если бы мы взяли показатели относительной бедности, как в Европе, мы бы получили более 25 процентов бедных, и тогда получается, что проблема еще больше.

– *Почему же мы так считаем?*

– Нас все время спрашивают, почему весь мир, вся Европа считает по относительной бедности, а мы по абсолютной. Относительная бедность – это такой справочный, аналитический по-

казатель. Относительно этого показателя считается распределение доходов: берется медианное значение, и порог бедности – это 60 процентов от медианного значения. Но это плавающая величина, и вы не можете, например, в закон или нормативный акт ввести величину, которая считается в оперативном режиме, в режиме онлайн. Поэтому для целей политики относительная бедность – неудобный показатель. Но у нас он еще и показывает бедность в два раза больше. Так что с практической точки зрения выбирается показатель абсолютной бедности.

Народ все устраивает

– *Насколько большой у нас разрыв в неравенстве доходов между самыми богатыми и самыми бедными?*

– Начнем с того, что измерителей неравенства в мире очень много, и ни одна страна не может похвастаться, что она надежно измерила неравенство. К примеру, у нас меряют децильное соотношение (его на самом деле называют фондовым соотношением), но оно может быть одинаковым при совершенно разных уровнях неравенства.

– *Я правильно понимаю, что у нас с 2008 года произошло смещение к высокому неравенству?*

– У нас всегда было такое распределение. Но так ли уж ужасно высокое неравенство? Первая теория нам говорит, что неравенство – это плохо и с ним надо во что бы то ни стало бороться, потому что нужна социальная справедливость, которая даст устойчивое развитие общества. А вторая теория говорит о том, что высокое неравенство создает стимулы экономического роста, а низкое неравенство не создает. То есть те группы, которые находятся наверху, являются локомотивом развития, и если их лишить этого экономического интереса, экономический рост прекращается. Мы имеем свидетельства в пользу той и другой точек зрения, но ни одна не доказана.

Видимо, ответ этот вопрос заключается в том, что есть некоторая седловая точка, до которой вторая теория справедлива, а после которой начинает работать первая теория. За одинаковую заработную плату экономического роста не будет, это понятно. Это нам продемонстрировал весь эксперимент прошлого века. С другой стороны, мы знаем историю с банановыми республиками, где бесконечные перевороты, потому что там один процент населения забирает все

богатства экономических территорий.

Реальность, видимо, такова, что какой-то нормальный, социально приемлемый уровень неравенства существует, что оно должно быть. Успешный бизнесмен, который двигает производство, создает рабочие места, он же не только себе прибыль забирает. Он создает тысячи рабочих мест, и если мы скажем: «Отдавай свои доходы!», – то он теряет интерес к этому бизнесу, просто уходит. Вместе с ним одним мы лишаем доходов еще, допустим, двадцать пять или шестьдесят тысяч человек, потому что его бизнес прекращает существовать, и никто этим людям платить зарплату не собирается.

Мы должны понять, какую цену мы готовы заплатить за снижение неравенства. Поэтому – да, у нас неравенство действительно высокое, но пока никто не может дать формулы, какое неравенство нормальное, а какое чрезмерное. Мне очень близка точка зрения Ростислава Исаковича Капелюшникова из Высшей школы экономики, что социальное неравенство является нормальным, если оно социально приемлемо.

– **Как это понять?**

– Если общество его принимает – значит, оно социально приемлемо. Если общество просто тихо ворчит на кухне – значит, оно нормальное. Общество ворчало и в советские времена, когда директор завода получал на сорок рублей больше, чем рабочий. Сейчас я не вижу признаков того, что общество категорически не согласо с таким уровнем неравенства.

– **А как насчёт неравенства наших средних доходов и доходов в развитых странах?**

– Тут опять-таки вопрос экономического роста.

– **Но мы вроде выходим на положительную траекторию роста ВВП.**

– Да, рост этот вполне реален. Вот попытка таргетировать инфляцию – это попытка создать фон для такого типа роста, чтобы инфляционные ожидания или инфляционные модели поведения не мешали спокойному эволюционному развитию ситуации. Поэтому может быть рост ВВП два процента. Но это темп роста, который позволит продержаться на плаву, слегка подышать кислородом. Тогда доходы чуть-чуть подрастут. Но наш разрыв с другим миром будет только усиливаться. Они развиваются одними темпами, мы будем развиваться другими. Конечно, могут происходить технологические взрывы, которые меняют лицо экономики. Поэтому я не утверждаю, что нас ждет сплошной пессимизм. Но оснований для оптимизма мало. При этом я не считаю, что правительство делало какие-то грандиозные ошибки в последние годы, – нет, оно действовало сообразно ситуации и, в общем-то, эффективно. Просто мы пришли к ситуации, когда внутренний потенциал страны исчерпан. Управляя этим потенциалом, правительство действовало совершенно приемлемо. А для того, чтобы перейти в новое качество роста, этого недостаточно.

Любовь Маврина

- Среднедушевой денежный доход
- Среднемесячная начисленная заработная плата

Источник: расчеты «Эксперта» по данным Росстата